Радзинский Эдвард

25.08.01

Вся правда о королеве

Новые известия. – 2001 – 25 авг. – С. 7.

Эдвард Радзинский. «Игры писателей». «Вагриус», 2001

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ,
«Новые Известия»

Сначала «Игры писателей» обещали быть пьесой. Которую, кстати, долго и терпеливо ждал для своего подвального театра Олег Табаков. Ждал, ждал, пока не дождался, да, может, оно и к лучшему. Бомарше не Распутин, Бонапарт не Сталин, Людовик XVI даже не Николай II, и изнанка Великой французской революции (богатая узорчатая изнанка обычного кровавого плаща) вряд ли собрала бы толпы желающих рассмотреть ее поближе. Дела давно минувших дней, да вдобавок дела чужие, заграничные... Что-то такое без пяти минут забытое, из школьной программы... Для спектакля материал скучноватый.

При этом «Игры писателей» чрезвычайно театральны, составлены сплошь из диалогов – авторский текст зачастую ограничен ремарками, а любую главу можно с законным основанием именовать «сценой». Однако Радзинский-историк за последние годы привык победоносно попирать Радзинского-драматурга. Архивный институт сквозит из всех щелей.

Авторский замысел вполне ясен: изложить исторический сюжет как пьесу, Историю как историю. Разыграть – во всех смыслах слова. Но если игрок чрезмерно заботится о соблюдении правил и скрупулезно записывает ходы, сама игра теряет изрядную долю своего свободного очарования.

Эта книга похожа на стеклянную пирамиду, несколько лет назад воздвигнутую во внутреннем дворике Лувра. Основание пирамиды у Радзинского составляют политики: свергнутый монарх Франции, ненавистник королевской семьи герцог Орлеанский, поклонник и любовник венценосной Антуанетты граф Ферзен, онанист Робеспьер, ходячий ссохшийся ужас – Фуше, маленький корсиканец Буонапарте, легендарный палач Сансон и еще, еще без счета – графы, маркизы, шевалье, вожди народа, преданные слуги короля и граждане свободной республики. Из всех перечисленных непосредственное участие в действии принимают двое – Фуше и Ферзен, об остальных лишь говорят, но говорят много, подробно и беспрерывно, тем более что «действие» у Радзинского суть только сплетение разноречивых свидетельских показаний о другом, значительно более важном **действии**... Нечто вроде передачи «Как это было».

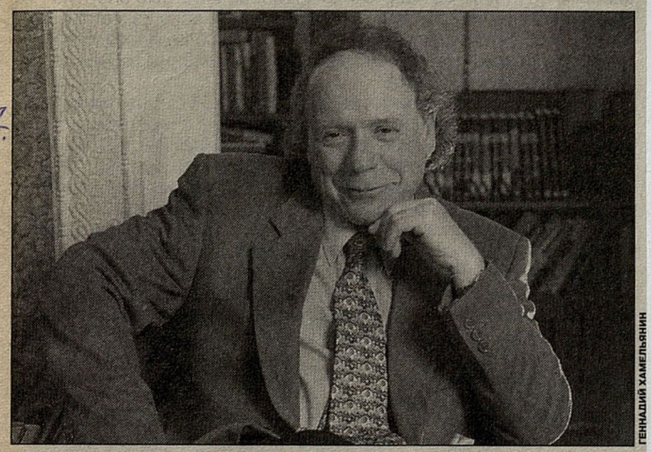
К пику же островерхой фигуры сходятся три линии – Пьер Огюстен Бомарше, маркиз де Сад, Франсуа Рене Шатобриан. Они встречаются, обмениваются информацией, а также – при весьма таинственных обстоятельствах – и рукописями, причем итогом их возможных встреч и бесед становится полнейшая убежденность читателя в том, что вся Великая французская заваруха – от собственно революции и якобинской диктатуры до императорства Наполеона, а оттуда, через про... проигранную, в общем, войну с Россией – к реставрации Бурбонов, так вот вся эта суета братского французского народа была спровоцирована кучкой более или менее выдающихся местных литераторов.

Наибольшим вниманием Радзинского, конечно же, пользуется Бомарше (собственно, «Игры писателей» и подзаголовок имеют «Неизданный Бомарше»). За солнечноликим гением в данной трактовке числится не только создание зарасительного образа Фигаро, хитрюги и молодца себе на уме, с чьим появлением сильно зашкалила самооценка французского простонародья, но и вполне реальное личное участие в заговоре против королевы, а затем творческое решение совершенно противоположной задачи – бегства королевской семьи из дворца Тюильри. Бегства, как известно, трагически не удавшегося – в некоторой степени опять же по вине Бомарше. Столь флюгерная позиция объясняется Радзинским (вернее, его главным героем) очень просто: *«Есть странное свойство у некоторых литераторов: никогда не быть на стороне победителей»*. Намек понятен – отсюда ведь неадекватные «радзинские» сантименты вокруг последнего российского царя, и пристальный интерес к официально проклятому Сталину, и поддержание мифов о похотливом старце, утопленном в полынье.

С первым сюжетом в «Играх писателей» имеются очевидные пересечения: снова униженные и оскорбленные помазанники Божьи, их маленькие, ни в чем не повинные дети, опять растерянность, благородство, отчаяние, мысли о побеге, рожденные в голове жены, и апатичный фатализм мужа, и обоюдная готовность достойно принять гибель... Правда, Радзинскому никогда не изменяет чувство юмора. Мимолетной фразой: *«Страна устала от Семьи...»*, он не только отсылает читателя к книге про Николая, но, как вы поняли, твердо ставит ногу на территорию современной российской истории. Производит рокировку с одновременным шахом королю. Тому королю, которого Радзинский теперь просто обязан любить – как попрошенного из стана победителей. Не пора ли автору вплотную заняться Борисом Николаевичем?..

Да, мы не уточнили, почему «Игры писателей» похожи именно на **стеклянную** пирамиду. Радзинский, как всегда, умело создает иллюзию прозрачности. Литератор в отличие от историка должен настаивать на одной, законченной версии, даже если у него остаются сомнения. Скажем больше: даже если в глубине души он считает эту версию лишь красивой подтасовкой. А вообще, кто его знает: не мог же действительно такой видный человек, как Бомарше, оставаться в стороне от судьбоносных перемен у себя на родине...

Радзинский, впрочем, достаточно осторожен – историко-архивная закваска дает себя знать. Стекла бликуют, наклонные грани отражаются друг в друге, и четырехсотстраничная интрига кажется под финал либо фантазией щедрого на выдумку де Сада, либо глюками Шатобриана, либо в конце концов сновидением Радзинского. Одно из трех. Но есть вещь очевидная – заголовком «Игры писателей» Радзинский льстит всему бумагомарательскому цеху и себе лично. Прорываются наружу горькие комплексы литератора, живущего в стране, где слово больше ничего не значит. Смешны, но в комичности своей до слез трогательны наивные афоризмы Радзинского: *«Жаднее богатых только бедные»*, *«Целого дня не хватит произносить имена вчерашних богов»*, *«Внутри раззолоченной кареты... видна жирная морда вчерашнего лакея, разбогатевшего в дни революции»*. И, наконец: *«Все ужасы революции не смогли изменить этот жалкий легкомысленный народ»*. Да, да, разумеется, это не про них, но про нас, а вернее – и про нас, и про них. И замечание о том, что диктатура возвращает человека к состоянию ребенка, абсолютно справедливо. (Каким очаровательно детским, к примеру сказать, было все советское искусство!..) И фраза: *«Толпа не любит свободу, их единственный кумир – равенство»*, наверняка выстрадана Радзинским на собственной шкуре (достаточно быть талантливым человеком, чтобы ежедневно получать доказательства). А *«Нация, берегись генералов!»* – разве не актуальное предостережение?



ГЕННАДИЙ ХАМЕЛЬЯНИН

Бедный Радзинский – ему хочется быть Бомарше...

Но вот ведь загвоздка: говори – не говори, прорицай – не прорицай, ничто под влиянием твоих речей и текстов не изменится. Посему, не имея возможности играть с настоящим, Радзинский резвится на площадке прошлого. И настойчиво приписывает Истории собственные забавы.

Таких честолюбивых ревнивцев, не готовых смириться с третьими ролями, у нас осталось мало. Возможно, Радзинский в их узком кругу – самый яростный. Ему все еще хочется быть Бомарше...

«Игры писателей» не целиком отданы политике. Здесь живописные картинки революционного Парижа сменяются нагнетанием кошмаров вокруг Госпожи Гильотины (или все-таки Гражданки?), отвлеченные философские дискуссии завершаются конкретными смертями, государственные перевороты воздвигаются на фундаменте выпоротой задницы, здесь распутываются узелки не только государственного, но и частного масштаба. Выдох пушкинского Моцарта: «Ах, правда ли, Сальери, что Бомарше кого-то отравил?», без ответа тоже не оставлен, однако не будем выдавать чужие секреты – прежде купите книжку.

Но главное – в «Играх писателей» много любви. Точнее – разговоров о любви. Чувственный – до покалывания в кончиках пальцев – монолог Бомарше. Печальная осенняя сладость, оставшаяся Шатобриану: *«Старый поэт – как старый соловей, в этом уже противоречие»*... Словесное недержание де Сада, чьи уста, явно брызжущие слюной, изрекают тем не менее гордый лозунг посвященных: *«Истинные смельчаки – еще и гуманисты: они признают один вид сражений – в постели, и одну боевую награду – наслаждение»*.

Олицетворение канувшего в небытие Галантного века – прелестная и свободная Мария Антуанетта. Символ революции – шлюха, до неразличимости схожая с казненной королевой. Шлюха и королева – между прочим, в блатном словаре эти понятия тождественны, и тождество сие Радзинский уже обыгрывал в «Нашем Декамероне»...

Кстати, Эдвард Станиславович и Пьер Огюстен действительно одной породы. Реплика: *«Удачная пьеса забавней любви, особенно когда она управляет историей»*, равно принадлежит и тому, и другому. Судя по «Играм писателей», интрига для Радзинского все же привлекательнее, чем любовь, и в этом, возможно, заключается его единственный недостаток.

Впрочем, подобным дефектом страдает абсолютное большинство мужчин всех времен и народов.